

ВИКТОР АЛЕВЕТДИНОВ

Тихоокеанский контур

Орбитальный ДОЛГ

Книга 2

Тихоокеанский контур

Виктор Алеветдинов

**Тихоокеанский контур.
Книга 2: Орбитальный долг**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Тихоокеанский контур. Книга 2: Орбитальный долг /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026 — (Тихоокеанский контур)

После японского узла война в серии «Тихоокеанский контур» не заканчивается — она поднимается выше. То, что на Земле выглядело как бой за маршрут, допуск и удержанный узел, в орбитальном эшелоне оказывается борьбой за право подтверждать саму реальность. Алеутский проход становится шлюзом между морем и верхним слоем, орбита — инфраструктурой войны, а обратная сторона Луны — местом, где враг пытается собрать почти безупречный эталон для всей земной системы. Контур и его команда входят в новый слой войны, где больше нет привычных свидетелей: вода, свет и живая среда остаются внизу, а наверху решают время, задержка и геометрия. Их задача — не просто выжить и удержать очередной узел, а не дать орбитальному слою перехватить право первого подтверждения.

Содержание

Пролог	5
АКТ I. Алеутские ворота	7
Глава 1. После японского узла	7
Глава 2. GATE / ALEUT	18
Глава 3. Северный переход	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Тихоокеанский контур.

Книга 2: Орбитальный долг

Пролог

Чем выше слой, тем беднее среда на свидетелей. Тем опаснее тот, кто входит в подтверждение первым.

(Из внутреннего протокола Сектора узловых систем АО «ЗАСЛОН». ДСП.)

После японского узла война не ушла в тишину. Она сменила эшелон. Внизу у истины ещё оставался рабочий кворум: вода, свет, берег, питание, живой маршрут, ручной журнал, человеческая задержка, неровность среды. Здесь любая подмена платила следом. Сигнал без допустимого разброса выдавал себя на трении. Лишнее старшинство всплывало на лаге. Чужая норма рано или поздно цеплялась за материю и теряла чистоту.

Выше среда беднела. Там уже не было воды, которая ломает красивую схему. Не было берегового шума, который сбивает вылизанный такт. Не было живого оператора, успевающего сорвать удобный автоматический ответ раньше, чем тот закрепится как штатный. Оставались время, задержка, геометрия, порядок прихода и право первого подтверждения. Верхний слой не обязан был бить по миру в лоб. Ему достаточно было войти раньше и занять старшинство.

Туда и уходил хвост удержанного боя. Не к следующему объекту. В другой регистр, где верхний слой успевает назначить факт раньше, чем Земля его подтвердит. Где Алеутский проход читался уже не маршрутом, а переходным узлом. Где орбита собиралась не в высоту, а в

арбитражный слой. Где лунная тень однажды могла стать не пустотой, а тихим эталоном, от которого нижний мир начнёт сверяться с запаздыванием.

Контур понял это раньше слов. Если внизу ещё можно было удерживать узел, то дальше придётся удерживать уже не объект, а порядок мира.

Потому что следующая война шла не за то, что видно. Она шла за то, что первым получает право называться правдой.

АКТ I. Алеутские ворота

Глава 1. После японского узла

После штурма смотрят не на дым. Смотрят на то, что система пытается сохранить раньше людей. Там и лежит следующий вектор удара.

(Из служебной записки Т. Се по объектам с нарушенным кворумом подтверждения. ДСП.)

После штурма канал держался на аварийных соединениях, ручной переброске питания и людях, которые не вышли из смены. Контур шёл вдоль вскрытых стоек и отделял рабочие системы от пустых оболочек: какие выдержат новую нагрузку, какие дотянут до рассвета, а какие уже нельзя возвращать в контур. У каждого решения была немедленная цена — в вентиляции, охлаждении или времени до следующего отказа.

Воздух был тяжёлым от гари, запаха нагретого пластика и старой изоляции. Под подошвами играли временные кабельные мостики, брошенные поверх разорванного настила как полевой обход разрушенного тракта. Где-то под палубой тянул низкий бас аварийного насоса — тот глухой рабочий хвост, который машина даёт только на пределе, когда режим уже вышел из штатного допуска, но система всё ещё держится под нагрузкой.

Лукина сидела у вскрытого щита распределения, с расстёгнутым воротом комбинезона и серым от дыма лицом. На панели горели два ручных байпаса, красное окно перегруза и сектор,

который она удерживала рукой в перчатке, потому что фиксатор крышки поплыл от температуры.

— Третий контур не трогай, — сказала она, не поднимая головы. — Снимешь не ту нагрузку, потеряем нижнюю вентиляцию.

— Запас?

— До штатного вида — сутки. До рабочего — часа четыре, если без сюрпризов.

Это означало почти ноль. Не аварийный ноль из штабных таблиц, а тот, где любое чужое касание становится решением за тебя.

Дальше, у вскрытых стоек, Тимур снимал уцелевшие блоки с повреждённого ряда. Он не выгребал всё подряд. Сортировал. Брал только то, что ещё могло говорить правду о шве, подмене и времени входа.

— Эти два на стол, — бросил он. — Остальное в изоляцию. Внутри остался сервисный хвост. Чужой контур проник неглубоко, но закрепился плотно.

— Подтвердил? — спросил Контур.

— Я его вижу по посадке, по кромке разъёма и по тому, как он держался за питание.

Для Тимура это и было достаточным основанием. Он никогда не клялся словом раньше прибора, но и прибору не верил без следа на корпусе.

Ника работала у светового профиля коридора. Штатную дисциплину она сняла с доверия и теперь вручную перевешивала проходы так, чтобы каждый новый луч был сначала проверкой, потом удобством.

— Левый рукав не берите, — сказала она. — Там свет охотно подтверждает проход, которого не было.

— Ложный?

— Хуже. Привычный. Он ведёт человека как вежливый дежурный и отдаёт чужому окну полсекунды старшинства.

Контур коротко кивнул. В этой войне вежливость давно стала техникой проникновения.

Ветрова сидела у WORM отдельно от остальных, как у койки тяжёлого раненого, который ещё отвечает, но уже уходит и может сорваться без предупреждения. На экране шли оборванные пакеты, несошедшиеся подтверждения, следы аварийной перезаписи и последовательность, которая не хотела проваливаться в шум.

Контур остановился у неё за плечом.

— Закрываешь хвост?

— Пытаюсь.

Одного этого слова было достаточно. Если Ветрова не говорила «закрываю», значит, причина для тревоги уже есть.

Она развернула ему отдельное окно. Там хвост причинности уходил не вниз, к разрезанному локальному контуру, а вверх и севернее, будто последние минуты боя были только нижней частью чужой работы.

— Он не схлопывается, — сказал Контур.

— Не должен был. Но не так.

Он всмотрелся в кривую лагов, в разнесённые метки, в несовпадение между временем записи и моментом получения старшинства. На экране лежал не просто мусор после штурма. Там удерживалась связка, у которой была задача вне платформы.

Внутри поднялось знакомое холодное чувство. Не страх и не злость. Узнавание архитектуры. Когда система перестаёт быть местом боя и начинает вести к следующему узлу.

Вокруг было тихо той рабочей тишиной, которая наступает после удара, когда люди ещё не успокоились, потому что знают цену первой расслабленной минуты. Лукина держала питание. Тимур добывал аппаратную правду из обугленных стоек. Ника заново писала свет, которому разрешено вести человека. Ветрова добирала хвост причинности, пока тот не распался.

Команда делала всё, что положено после удержания объекта. Но объект уже перестал быть центром. Контур это увидел по тому, как упорно WORM берег не платформу, а направление от неё.

— Покажи полный разворот, — сказал он.

— Сейчас.

Ветрова вывела ещё два окна, и северная кромка сигнала дрогнула на экране, как шов, который ещё не разошёлся, но уже принял нагрузку.

Контур провёл ладонью по тёплому борту стойки. Внутри ток отдавался мелкой вибрацией. Узел уцелел, но победная усталость не пришла: его сохранность уже служила доказательством следующего удара. На экране продолжал жить северный хвост, и отложить его разбор означало подарить противнику несколько часов старшинства.

Они собрались у WORM без команды. Работа отсека сама стянулась к этой консоли, как вода к пробоине.

Лукина, не отходя от щита, протянула к себе дополнительный кабель и развернула на колене грубую карту нагрузок. Тимур поставил рядом два снятых блока, словно вещественные доказательства. Ника утопила в темноту лишние световые секторы, чтобы экран не ловил оптический мусор. После этого отсек стал теснее, глуше и собраннее. Остался белый рабочий свет над WORM и дальнейшее красное мерцание аварийных стоек.

Ветрова разнесла последовательность по окнам.

— Сначала я приняла это за остаточное эхо, — сказала она. — После такого шва фоновый шум обязателен.

— Он и есть, — ответил Тимур. — Мы выдрали узел из срыва. Там должно фонить всем.

— Должно. Но эхо не держит старшинство.

Она увеличила северный фрагмент. Контур увидел то, что уже чувствовал до слов: один и тот же пакет несколько раз уступал первенство разным подтверждающим слоям, а потом упрямо возвращался на верхнюю позицию, будто за ним стоял внешний арбитр.

— Что держит его наверху? — спросил Контур.

— Не локальная сеть. И не этот узел. Здесь только след входа и след борьбы. Старшинство приходит извне.

Тимур ткнул в снятый блок.

— На корпусе та же посадка. Они не просто били по платформе, а держали для чего-то окно.

— Для чего? — спросила Ника.

Ветрова молча вывела ещё одну развёртку. На экране показались лаги, орбитальные поправки и северный адресный коридор, который не имел права проявиться в остатке локального боя.

— Потому что это не хвост одной операции, — сказала она. — Это вынесенный вверх долг подтверждения. Земной узел для него уже не старший.

В тесном отсеке стало будто холоднее. Лукина на секунду отняла руку от панели и тут же вернула, будто сама машина не дала ей роскоши удивиться.

— Сформулируй без термина, — сказал Контур.

— Если коротко, — ответила Ветрова, — они готовят верхний слой, который будет подтверждать маршрут раньше среды. Ниже ещё есть вода, свет, порт, люди. Наверху они хотят оставить время, геометрию и чистую задержку. Там легче назначить старшим тот след, который первым вошёл в кворум.

Тимур недобро выдохнул.

— То есть японский узел для них расходник.

— Переходник, — поправила Ветрова. — Не цель.

Контур наклонился к экрану. На нижнем слое ещё читалась схватка за платформу: рваные окна, перехваты, силовые врезки, сорванные допуски. Выше лежал другой рисунок — дисциплинированный маршрут, который собирал старшинство не грубой силой, а архитектурой.

— Где первый стык? — спросил он.

Ветрова поводила пальцем над развёрткой, собирая совпадения.

— Север. Алеутский сектор. Но не как конечная точка. Как переходной шлюз.

Ника вскинула голову.

— Морской?

— Морской и верхний сразу, — ответила Ветрова. — Там сходятся сервисные окна, погода, навигация, обслуживание орбитального хода и достаточно пустоты, чтобы вырастить чистый коридор.

Лукина сжала зубы.

— Нам бы эту платформу дожать до утра.

— Нам придётся делать оба дела, — сказал Контур. — И удержание, и чтение маршрута.

Тимур уже ковырял экранированный блок инструментом.

— Здесь внутри есть сервисный адрес. Не полный, но есть. Они заходили через штатный профиль. С чужой стороны всё было собрано как работа допуска, а не как штурм.

— Значит, следующая врезка тоже придёт в форме нормы, — сказала Ника.

— Да, — ответил Контур. — И попытается пройти к тому, что мы захотим сохранить в первую очередь.

Ветрова сменила масштаб. Северный след прошёл через локальный хвост и региональный шлюз, затем поднялся к внешнему арбитражному слою и разошёлся по времени. Он не заканчивался на объекте. За ним проступала лестница в верхний регистр, где каждая ступень подтверждала следующую раньше среды.

Контур смотрел на схему, и за усталостью поднималось собранное внимание. Схватка за объект переходила в борьбу за право считать сигнал подлинным.

— Поднимай внешний канал, — сказал он. — Громыко должен увидеть это до того, как штаб успеет назвать случившееся локальной стабилизацией.

Связь подняли через резервную антенну, выведенную на обходной энергетический профиль. Штатному каналу после штурма никто не верил. Ника вручную собрала световой коридор внутри отсека, чтобы разговор не подцепил постороннее сервисное окно. Лукина отдала три минуты устойчивого питания без гарантии по охлаждению. Ветрова выгрузила кворум подтверждения отдельным пакетом. Тимур положил рядом со связной консолью вскрытый модуль, будто аппаратное тело могло прибавить словам веса.

Экран загорелся со второго раза. Сначала пошёл серый шум. Потом собралось лицо Громыко, жёсткое, неподвижное, без привычного штабного спокойствия. Он уже знал, что на линии не послебоевая сводка.

— Доклад, — сказал он.

Контур не тратил ни секунды на вводную часть.

— Узел удержан. Шов перехвата собран. Нижний контур отсечён. Но это не финал. В шве поднялся верхний долг подтверждения. Маршрут уходит на север и завязан на внешний слой.

Громыко перевёл взгляд с Контура на Ветрову.

— Подтверждение.

Ветрова отправила пакет. Несколько секунд Громыко молча смотрел в сторону, где у него, видимо, шёл параллельный просмотр.

— Это не похоже на остаточный шум, — сказал он.

— Потому что это не он, — ответила Ветрова. — Здесь есть старшинство вне локальной сети и дисциплинированная сборка задержек. Японский узел для них был нижней частью коридора. Наверху готовят слой, который попытается стать первым свидетелем маршрута.

— Театр? — спросил Громыко.

— Алеутский переход, — сказал Контур. — Дальше, вероятно, орбитальный сервисный ход.

На лице Громыко ничего не изменилось, но Контур знал этот режим. Так он выглядел в минуты, когда политический запас уже кончился и решение оставалось только оперативным.

— Штаб ещё держит формулировку «послештурмовая стабилизация», — сказал Громыко. — Если я сейчас назову это верхним контуром атаки, мне придётся сжечь весь резерв отрицания.

— Сжигайте, — ответил Контур. — Иначе резерв сожгут за нас.

На линии повисла короткая пауза. Лукина не смотрела на экран, придержав дыхание так, будто любое лишнее движение могло сорвать питание.

— Основание? — спросил Громыко.

Контур кивнул Тимуру.

Тот поднял вскрытый модуль к камере.

— Сервисный след прошёл по корректному окну допуска. Не штурмовой профиль. Аппаратная связка внутри собрана не под разовый удар, а под удержание маршрута. Они шли сюда не жечь узел, а менять старшинство.

Ника добавила, не отрывая рук от световой схемы:

— И световой коридор у них был подготовлен под штатный проход. Эвакуация, техобслуживание, дежурный маршрут — что угодно, лишь бы человек шагнул сам.

Громыко ещё секунду молчал.

— Значит, противник переводит конфликт в верхний регистр подтверждения.

— Да, — сказал Контур. — И делает это так, чтобы каждый следующий сбой выглядел как работа нормы.

Громыко опустил взгляд, будто быстро сводил у себя параллельные данные. Потом заговорил уже без дипломатической обвязки:

— Тогда слушайте внимательно. С этого момента никаких внешних формулировок про победу, стабилизацию и локальное восстановление. Для внутреннего контура вы работаете по протоколу переходной угрозы. Мне нужен маршрут, состав, оценка ресурса и список того, что нельзя оставлять на месте. На бумаге у вас ещё зачистка последствий. По сути — подготовка к следующему театру действий.

— Разрешение на вынос команды? — спросил Контур.

— Разрешение будет, прикрытия не будет, — ответил Громыко. — Всё, что я могу дать открыто, начнёт фонить по политике, а значит, отдаст ваш вектор. Действуйте как аварийная инженерная группа с расширенным доступом. Узкий допуск, высокий риск, минимум свидетелей.

— Этого мало, — сказала Ветрова.

— Знаю. Больше нет.

Она собиралась возразить, но Контур поднял руку. Сейчас не решали, хватает им поддержки или нет. Решали, успеют ли они воспользоваться тем, что ещё осталось.

— Мне нужен Молчанов на закрытом канале, — сказал Контур. — И северные сервисные трассы до верхнего хода.

— Получите. Но не сразу. Я режу резерв и переназначаю людей. После этого назад дороги не будет.

— Её уже нет, — ответил Контур.

Громыко впервые за разговор позволил себе короткое движение лицом, почти усмешку без тепла.

— Хорошо. Тогда работайте так, будто вы уже внутри следующего сбоя.

Экран погас. В отсеке сразу вернулся гул насоса, шорох кабелей и тишина после командного разговора, когда решение уже принято, а последствия ещё только заходят.

— Он отдал нас в серую зону, — сказала Ника.

— Нет, — ответил Контур. — Он отрезал всё лишнее и купил нам несколько часов без шума.

— Дорогая покупка, — пробормотала Лукина.

— Дешевле уже не будет, — сказал Контур. — Собираем состав.

Разборочный стол собрали из двух контейнеров, снятой дверцы сервисного шкафа и прозрачной панели, которую Ника перевела в режим грубой карты. На ней уже горел северный сектор: море, погодный слой, сервисные окна, пустые верхние коридоры без привязки к старшим свидетелям. Рядом Лукина разложила медпакеты, стимуляторы, лист ресурса по людям и короткий расчёт по запасам модуля.

Контур встал у края стола.

— С этого момента считаем не «кто выстоял», а «кто пригоден». По людям, по аппаратуре, по журналу, по свету. Всё, что не проходит на следующий театр, остаётся здесь.

Тимур тут же упёрся:

— По аппаратуре рано. Я ещё не вскрыл половину.

— У тебя пятнадцать минут на первичный отсев, — сказал Контур. — Мне не нужен музей трофеев. Мне нужен комплект, который можно поднять, защитить и встроить в следующий шов.

Лукина пробежала глазами по листу ресурса.

— По людям картина простая и паршивая. Я на стимуляторе. Ника держится, но без сна у неё начнут плавать оптические срезы. У Тимура рука, мелкая моторика пока есть. Ветрова на кофеине и злости. Ты на том же, плюс последствия перенапряжения после штурма.

— Переведи на рабочий язык, — сказал Контур.

— На рабочем языке это значит: идти можно, если не растягивать подготовку и не врать себе про запас.

Ветрова стояла у карты, листая пакет Громыко и фрагменты северной трассы.

— Нам понадобится не просто группа. Нам нужен маленький кворум профессий. Свет, аппаратный разбор, силовой профиль, журнал причинности и тот, кто принимает решение под давлением, когда данные расходятся.

— То есть все мы, — сказала Ника.

— Да.

Контур посмотрел на карту. Север пока висел пустой геометрией. Такое часто обманывало: на экране театр казался чистым, а на деле был набит регламентом, погодой, чужими окнами и задержками, которые убивают быстрее выстрела.

— Что по маршруту? — спросил он.

Ника вывела оптический слой.

— Прямой световой проход на север не годится. Если они уже выращивают там верхний коридор, то все удобные окна у них под присмотром. Нужен заход под аварийную работу, через сектора, где приличный оператор не ждёт комфортной картинки.

Тимур подбросил на стол узкую кассету размером с ладонь.

— Снял из заражённого модуля. Внутри сервисная адресация и тип обхода. Если вытащу не до конца, всё равно получим почерк.

Лукина подняла глаза.

— А платформа?

— Держится, — ответил Контур. — Но тащить её на себе дальше мы не будем. Оставим грубый профиль удержания, людей прикрытия и журнал. Наша задача не охранять рану, а найти руку, которая в неё лезет.

Ветрова смотрела на него несколько секунд.

— Ты уже решил идти на север.

— Я уже вижу, что ждать здесь — значит отдать им старшинство времени.

Ника провела пальцем по карте погоды.

— Если стартовать быстро, в северном секторе нас встретит погодный фронт. Видимость плохая, поправки гуляют, спутниковая геометрия ломкая. Хорошее место для ложного света.

— Потому они его и выбрали, — сказал Контур.

Тимур вскрыл кассету на месте, не дожидаясь разрешения. Внутри сверкнули два сервисных контакта и сжатая матрица допуска.

— Посмотрите на это, — сказал он. — Они даже не скрывали класс входа. Cold Service. Законный профиль для срочного техобслуживания. Через такой профиль можно подойти к чему угодно, если объект уже просел по контролю и сам открывает себе лишний допуск.

— Значит, следующая попытка придёт под маской помощи, — сказала Ветрова.

— Она уже идёт, — ответил Контур.

Он сказал это тихо, но все подняли головы сразу. Не потому, что услышали шаги за дверью. Потому что в этот момент Ника резко изменила световой расклад на коридоре.

— Внешний канал запрашивает проход по медицинскому окну, — сказала она. — Пакет подозрительно чистый.

Контур уже шёл к выходу. По схеме сектора было видно: маршрут заявленной эвакуации не совпадал с тем, куда в обычной ситуации повели бы раненых. Он заходил туда, где стоял WORM и лежали трофейные блоки.

— Никого не впускать, — сказал Контур.

Первый человек из группы ещё не вошёл в стык грузового коридора, а Контур уже знал, что это не медики. Оружия не было или скрыто, подписи безупречны, с корректным окном допуска и верной очередью входа. Выдал их маршрут. Настоящая эвакуация шла бы левее, к нижнему сборному узлу, где сейчас были носилки и раненые. Эти шли правее, к WORM и контейнеру Тимура.

— Ника, срежь им свет до ручного подтверждения, — сказал Контур. — Без трассы, без маркеров.

— Уже.

Коридор потух. Остались дежурные аварийные метки. В такой схеме нельзя идти по инерции. Нужно видеть, думать и отвечать на среду, а этого чужая группа явно не планировала.

На внешнем канале пришёл вежливый запрос:

— Платформа, приём. Медицинская эвакуация по окну В-12. Подтвердите проход.

Контур ответил сразу:

— Медицинский сбор у вас неверный. Назовите нижний код маршрута.

На линии возникла пауза длиннее допустимой.

— Повторите запрос, связь плавает.

— Код маршрута, — повторил Контур.

Ответ не пришёл. Вместо этого на схеме Ники три фигуры ускорились и пошли на стык уже не строем помощи, а группой входа.

— Всё, — сказал Тимур. — Маска снята.

Первый удар они нанесли не в людей, а в потолочный сервисный короб, чтобы осыпать отсек пластиком и осколками, сбить обзор и открыть себе боковое окно. Контур успел шаг-

нуть в сторону и увидеть, что двое шли на WORM, третий прикрывал сектор, четвёртый резал проход к карте.

— По целям, — коротко бросил он.

Ника выключила ещё один ряд света. Коридор превратился в рваную шахматную доску аварийных пятен. Для знавших схему коридор оставался проходимым. Чужие почти ослепли.

Тимур опрокинул на бок контейнер с трофейными блоками, превратив его в укрытие. Один из входящих сразу дал по нему короткую очередь, явно рассчитывая добить кассету и WORM одним сектором.

— Они работают по данным, — крикнул Тимур. — Не по нам.

— Потому и живы, — ответил Контур.

Он поймал первого на смене уровня, когда тот, потеряв световую подсказку, пошёл по памяти допуска. Выстрел пришёлся в плечевой стык брони. Человек рухнул без звука, ударился о стенку и заскользил в темноту.

Второй уже почти вышел на WORM, когда Ветрова сорвала со стола экранированную крышку модуля и ударила ею по его оружию. Выстрел ушёл в потолок. Контур добил движением вбок.

Третий не стал лезть в рукопашную. Он бросил в отсек плоский импульсный пакет, рассчитанный не на убийство, а на короткий вынос журнала. Лукина увидела его раньше остальных.

— Ложись!

Она сама дёрнула на себя силовой экран распределителя и поймала часть импульса на нештатный контур. Щит взвыл, в воздухе запахло горячей медью, аварийные метки на секунду погасли, но WORM не ушёл в ноль.

— Держу! — рявкнула Лукина. — Две секунды, не больше!

Этого хватило. Ника вернула аварийный свет по новому рисунку, и чужой прикрывающий на мгновение остался без привычной геометрии. Тимур, стрелявший редко и только наверняка, снял его через прорезь между контейнером и стойкой.

Оставался последний. Он не пытался добить людей. Он шёл к консоли с упрямством техники, которой поставили задачу переписать хвост любой ценой.

Контур перехватил его в двух шагах от WORM. Удар пришёлся в корпус, потом в локоть, потом в горло. Человек осел на колени, но ещё пытался дотянуться до консоли плоским чёрным модулем. Контур выбил модуль ботинком и только после этого сделал завершающий выстрел.

Отсек снова наполнился гулом насоса, тяжёлым дыханием и запахом сгоревшей электроники. Всё произошло быстро, но платформа заплатила за эти секунды больше, чем могла себе позволить.

— Проверка по людям, журналу и свету, — сказал Контур.

Ника уже стояла у прохода и вручную меняла маркеры так, чтобы никакая вторая группа не вошла по старому рисунку.

— Свет держу. Но они успели посмотреть наш аварийный профиль.

— Значит, следующий заход будет умнее, — ответил Контур.

Тимур с руганью разгибал помятый край контейнера.

— Один почти достал кассету. Ещё метр — и всё.

Ветрова сидела у WORM, не двигаясь, и смотрела на экран.

— Журнал удержался. Импульс выбил три слоя, но хвост остался. Они били не по платформе. Они били по праву доказать, куда ведёт маршрут.

Лукина затягивала повязку на предплечье, будто травма касалась не её.

— Теперь ясно, что мы им нужны не как выжившие. Мы им нужны как помеха.

Контур посмотрел на тела у входа, развороченный потолочный короб и дрожащий после импульса экран WORM. Враг вошёл с корректными допусками и пакетом без допустимого раз-

броса, как штатная помощь. Эти признаки подтверждали замысел убедительнее перехваченного разговора: следующая группа придёт по другому законному окну. Ждать на месте больше нельзя.

— Собираемся, — сказал он. — Решение принимаем сейчас.

Они вернулись к столу уже не после отражённой атаки, а после окончательной проверки гипотезы. Спор о составе и ресурсе минуту назад ещё оставлял пространство для осторожности. Теперь его не осталось. Враг сам показал, что считает главным.

Ветрова не села. Стояла у WORM с одной рукой на консоли, будто удерживала не машину, а расползающийся северный шов.

— Больше тянуть нельзя, — сказала она. — После такой попытки они дожмут сеть. Если не добрать хвост сейчас, он распадётся до уровня, где любой штаб назовёт это шумом.

Тимур поднял кассету.

— Если снимать быстро, потеряем половину аппаратного слоя. Здесь может сидеть сервисный адрес верхнего окна.

— Адрес нужен, — сказал Контур. — Но не ценой темпа.

— То есть идём с неполной картиной? — спросила Лукина.

— Нет. Идём с тем объёмом подтверждённых данных, который ещё можно вынести, и не ждём, пока остальное выжгут.

Ника провела по карте оптический коридор.

— В таком случае заход только через северный переход. Погода даст плохую видимость, а значит, шанс увидеть расхождение между светом и маршрутом. В чистом окне нас встретят уже собранной ложью.

Ветрова кивнула.

— Алеутский сектор работает не как база, а как ступень. Если там уже стоит их переходной шлюз, то следующий слой держится на нём. Удар по верхнему регистру начнётся не в космосе сам по себе. Он начнётся там, где море, сервис и орбитальный ход ещё касаются друг друга.

Каждый переход выше означал обеднение среды: случайных свидетелей становилось меньше, а права на повторную проверку почти не оставалось.

Лукина уловила это раньше остальных.

— Скажи прямо, — тихо сказала она. — Ты думаешь о том, что наверху им будет легче.

— Да, — ответил Контур. — И о том, что если мы не пойдём туда сейчас, потом придётся ломать уже закреплённый эталон.

Никто не стал спорить ради спора.

Тимур первым перевёл разговор обратно в работу:

— Тогда так. Я даю тебе первичный разбор кассеты за сорок минут. Разбор будет неполным, но для почерка входа хватит. С собой беру всё, что говорит о типе сервиса и о стыке с верхним ходом. Остальное — в изоляцию.

— Мне нужен журнал и северный хвост, — сказала Ветрова. — Без них мы придём туда с одними подозрениями.

— Получишь, — ответил Контур. — Но в переносном слое. WORM здесь не останется без копии.

Ника уже отмечала на карте углы захода.

— Я подготовлю аварийный световой профиль под северный переход. Комфорт убираем. Оставляем только то, что вынуждает оператора сверяться со средой, а не доверять первому чистому проходу.

— Сделай, — сказал Контур.

Лукина сложила медпакеты в жёсткий чехол.

— Платформу кто держит?

— Оставим грубый профиль удержания, — сказал Контур. — Без вежливой автоматики, без лишних окон, с жёстким журналом доступа и минимумом маршрутов. Пусть держится в профиле повреждения, а не выглядит восстановленным.

— И кто это будет держать?

— Те, кто здесь остаются по приказу Громыко. Мы забираем только необходимый кворум.

Ветрова оторвалась от экрана.

— Назови состав.

Контур посмотрел на каждого по очереди. Не как на товарищей после штурма, а как на функции в системе, которая либо соберётся, либо развалится на первом сложном расхождении.

— Идут: я, Ветрова, Ника, Тимур, Лукина. Без расширения, без балласта. Нам нужен малый ход, короткая тень и право принимать решения без длинной цепочки согласований.

Ника выдохнула, будто решение уже сидело в ней и ждало только оформления.

— Тогда вопрос один: когда выходим?

Контур посмотрел на часы, дрожащий экран WORM, северную кромку карты и на тёмный проход, через который только что пытались зайти под видом медиков.

— Как только Тимур отдаст почерк кассеты, Ветрова соберёт переносной журнал, а Ника перепишет свет. Ждать утра не будем. Нам нужен тот промежуток, когда они уверены, что мы ещё заняты разбором последствий.

Лукина коротко кивнула.

— Хорошо. Я подниму здесь грубый профиль удержания и оставлю платформу злой.

— Оставь, — сказал Контур. — Доброй она нас уже чуть не убила.

Через сорок минут отсек стал почти глухим. Ника утопила боковые сектора в темноту, оставив белые полосы над руками и матовый янтарь на аварийных метках. Лукина перевела платформу в грубый режим удержания: меньше удобства, меньше автоматической услужливости, больше трения среды. Тимур сидел на полу у контейнера с кассетой и вскрывал её полевому, без лабораторной чистоты, зато с шансом сохранить адресный хвост. Контур стоял за спиной Ветровой и почти не двигался.

На тёмном экране WORM сначала не было ничего, кроме дрожащего шума. Потом шум начал расходиться, будто внутри шума раздвигали занавес не по свету, а по задержкам.

Ветрова не вычищала картину до стерильности. Наоборот, оставляла лаги, обрывы, рваные края, остаточное дрожание. Всё, что штатный анализатор признал бы помехой и выровнял до благополучного вида, здесь было ценнее правильного результата. В неровности держалась фактическая причинность.

— Есть, — сказала она тихо.

На экране проявился не один адрес, а последовательность ступеней. Сначала японский узел как нижний след входа. Потом северный морской переход. Дальше сервисный коридор, уже завязанный на верхний слой. Потом внешний разнос по времени, где локальная среда почти теряла голос.

Тимур поднял голову от кассеты.

— Совпадает. Внутри то же: север как шлюз, дальше обслуживание верхнего хода. Они не бьют наверх в лоб. Они строят лестницу допуска.

Ника подошла ближе, всматриваясь в световую геометрию развёртки.

— Алеутский сектор будет выглядеть шумно для любого гражданского глаза. Погода, вода, рваный горизонт. На таком фоне удобно прятать чистый коридор.

— Потому он и нужен им, — сказала Ветрова. — На земле среда ещё сопротивляется. Выше её станет меньше.

Контур смотрел на лестницу подтверждений и чувствовал, как внутри складывается решение уже без остатка сомнений. Японский узел не был фронтом. Только нижней ступенью. Следующий бой шёл не за один объект или один порт. Он шёл за то, чтобы верхний слой не получил право назначать правду раньше моря, света, человека и журнала.

Ветрова вывела финальную подпись маршрута в отдельное окно.

— Алеуты, — сказала она.

Слово прозвучало как новый вектор нагрузки. Всё, что до этого расползалось по разным спорам и догадкам, наконец собралось в рабочую форму. Север был не направлением на карте. Переходной архитектурой. Шлюзом между морем и верхним ходом, где противник уже начал собирать старшинство порядком допуска.

Контур медленно выпрямился.

— Тогда идём туда, где этот порядок ещё можно сорвать руками, — сказал он. — Пока он не стал нормой.

Ника выключила последний лишний сектор света. На панели остались только маршруты, которые выдерживали встречу со средой.

Тимур защёлкнул кассету в защитный контейнер.

Лукина закрыла грубый профиль удержания и передала платформу остающимся.

Ветрова сохранила северный хвост в переносной слой журнала и только после этого отняла руку от консоли.

Контур ещё раз посмотрел на лестницу подтверждений. В нижнем окне остался удержанный японский узел, выше горел северный шлюз, а на верхней ступени впервые проявился служебный адрес GATE / ALEUT. Он передал метку Нике и Тимуру.

— Готовьте северный ход. Выходим до следующего цикла допуска.

Глава 2. GATE / ALEUT

Шлюз редко прячут под бронёй. Чаще — под участок обслуживания, где порядок приходит раньше вопроса о праве на него.

(Из аналитической записки А. Ветровой по северным сервисным маршрутам. ДСП.)

Штабной отсек отрезали от платформы двумя гермостворками и временным глушителем канала, но тише не стало. За переборками продолжал работать повреждённый корпус: под полом гоняли насосы, в силовом коробе дожимали ещё один байпас, вентиляция тянула в отсек сухой воздух с гарью и запахом прогоревшей изоляции. После северного рисунка у команды оставалось меньше часа, чтобы решить, что WORM поднял из японского узла наверх. Ошибка здесь стоила бы дороже, чем в бою. Если принять вектор за доказательство, север так и останется направлением, а верхний слой получит время закрепиться первым свидетелем.

Свет урезали до рабочего минимума. Ника сняла верхние полосы и оставила над столом косые сектора без бликов. Лукина сидела у распределительного шкафа на корточках, прижав к плечу аптечный пластырь, и вручную перекидала питание между секторами платформы. Тимур разбирал на соседнем столе трофейные носители — в перчатках, без лишней суеты, будто имел дело с боеприпасом замедленного действия. Контур стоял у тёмного края экрана и смотрел не на карту, а на Ветрову.

— Не координату, — сказал он. — Порядок.

Она кивнула, придвинулась к консоли и подняла остаточный хвост журнала. Пальцы ещё помнили горячий корпус WORM, сорванные защёлки и рывок, когда лог пришлось брать руками под осыпавшимся светом. Ветрова вывела сырой журнал без штабной очистки. В нём

остались сбитые метки, поздние квитанции и обрывки маршрутов, которые ещё держали инерцию штурма. В этих помехах сохранялся порядок чужого входа.

Она сразу убрала координатную сетку. Ей не нужны были точки. Нужен был приоритет. Кто успел сказать первым. Кто лез выше аварийного отклика. Что запаздывало. Где мёртвый маршрут держался за право остаться старшим хотя бы на бумаге.

— Верхний свет не верну, — сказала Ника, не поднимая головы. — На бликах утонешь.

— И не надо.

Тимур щёлкнул фиксаторами на очередном носителе.

— Если нужны сырые хвосты, бери сейчас. Через полчаса корпуса остынут, рисунок сядет в фон.

— Мне нужны все окна. Без сглаживания.

— Тогда не жалуйся на шум.

— Я за ним и пришла.

Контур не подсказывал вывод. Он оставлял Ветровой пространство дойти до него самой и отвечать за основание. Она прогнала первый слой, затем разнесла задержки, отдельно подняла верхние подтверждения и на третьем проходе увидела последовательность, которая не укладывалась в послебоевую логику.

Северная цепочка держалась чересчур дисциплинированно. Не по красоте рисунка — по поведению. У любого аварийного остатка остаются лишние хвосты, поздние отклики каналов, локальная кривизна, след оператора, который успел вмешаться в последний момент. Здесь картина уходила вверх собранно, будто маршрут заранее знал, кому будет подчиняться дальше.

Ветрова перевела изображение в грубый серый режим, сняла цветовые маски, разнесла старшинство по приходу и получила ещё более жёсткий ответ. Чем беднее становилась картинка, тем яснее проступала структура.

— Что? — спросил Контур.

— Тут не просто лестница подтверждений. Между японским слоем и севером держится опора. Промежуточная дуга. Без неё хвост давно бы развалился.

Тимур поднял голову.

— Резерв?

— Пока не готова так назвать.

Он подошёл ближе. На экране нити, собранные по приходу, уходили вверх не беспорядком, а каскадом. Тимур смотрел на них с упрямством аппаратчика, который не любит стратегию без материального основания, но уважает след, если тот выдерживает повторную проверку.

— Может быть старый обслуживающий маршрут, — сказал он. — Законсервировали, потом подняли как запас.

— У резервного контура есть история эксплуатации, — ответила Ветрова. — На нём всегда остаются швы, ручные доводки, поздние допуски, журнал с накопленным износом. А здесь пока вижу только порядок без прошлого.

Лукина, не отвлекаясь от шкафа, коротко назвала остаток:

— Сорок семь минут рабочего питания. Потом начну резать всё, что не держит людей и журнал.

— Хватит, — сказал Контур.

Ветрова увеличила сегмент ещё раз. На дальнем краю хвоста проступала верхняя связка, но текущего слоя не хватало. Север выглядел уже не как участок карты, а как механизм, который пока скрывал половину корпуса.

— Мне нужен полный верхний архив, — сказала она. — Не картинка штаба. Сырые старые маршруты обслуживания, окна верхних подтверждений, северные сервисные нитки. Всё, что у нас есть по алеутской дуге.

Контур даже не повернулся к боковому каналу.

— Молчанов.

Динамик в углу щёлкнул после короткой задержки.

— На связи.

— Подними ей архив верхнего слоя.

На другом конце послышался шорох клавиш, короткий выдох и ответ человека, который уже понял цену запроса.

— Принял. Четыре минуты.

Ветрова снова вывела северную цепочку. Теперь она читалась не как остаточный след выхода из японского узла. Перед ней был собранный порядок, ещё не раскрывший весь масштаб, но уже опаснее любой шумной диверсии. Шум выявляют быстро. Здесь чужая работа держалась в контуре так, будто её давно ввели в резерв и ждали только момента, когда она получит право стать штатной.

Через несколько минут экран подняли на всю стену. Отсек шире не стал, но рабочая глупина сразу выросла. Серый стол, жёсткий боковой свет, тёмные лица и многослойная карта заполнили уже не только плоскость экрана, но и весь зазор между людьми. Молчанов выгрузил архив без правки и сглаживания. Старые адреса северного сопровождения, погодные окна, морские коридоры, остатки японского журнала, поздние верхние квитанции, выжженные привязки и следы вспомогательных каналов легли друг на друга тяжёлым шероховатым массивом.

— Перебор, — бросил Тимур.

— Нет. Рабочая картина, если не подменять разбор удобной версией, — ответила Ветрова.

Она стала снимать слои один за другим. Убрала всё, что пришло после факта. Отбросила поздние технические опросы. Оставила только то, что претендовало на право говорить первым. Потом наложила морские коридоры. Затем сервисные окна. Затем верхние подтверждения. На четвёртом проходе картина перестала сопротивляться и выдала одну причинность.

Японский узел больше не выглядел центром. Он оказался передним слоем, низовой маской, через которую противник проверял, насколько далеко можно продавить сервисную норму под ударом и паникой. Основная работа уходила дальше. Не в удобную точку для карты, а в стык сред.

Ветрова шагнула ближе и провела пальцем по холодной проекции.

— Смотрите.

Контур остался на полшага сзади, оставляя ей экран и первое слово. Тимур встал справа.

— Пока вижу старые техадреса, погодные окна и кусок верхнего сопровождения, — сказал он. — Да, сшито плотнее обычного. Но из этого ещё рано делать архитектуру.

— Адреса — оболочка. Меня интересует каркас.

Она вывела только линии старшинства: морской коридор, атмосферное окно, верхнее подтверждение, сервисный доступ и зоны политической тишины, где такой переход легче всего спрятать под обычную северную работу. Рисунок оголился и от этого стал жёстче.

— Они не идут через Алеуты, — сказала Ветрова. — Они сшивают через них нижний и верхний слои.

Тимур не ответил сразу. Он смотрел на карту с привычным внутренним сопротивлением, которое всегда включалось у него, когда из техники пытались раньше срока делать общий вывод.

— Обоснуй.

— Японский узел был входом и испытательным стендом. Через него проверяли, как земля принимает навязанную норму обслуживания под ударом и паникой. Север им нужен по другой причине. Там океан, атмосфера и верхний сервис сходятся в зоне, где такой переход проще провести без лишнего шума. Любой локальный сбой там можно списать на погоду,

запоздалый отклик, северную поправку или плохое окно. Если в таком месте закрепить нужный порядок, верхний слой получит опору снизу, а над землёй появится старший свидетель.

Ника подняла глаза от планшета оптики.

— То есть они хотят, чтобы море подтверждало верх?

— Уже подводят его к этому, — сказала Ветрова.

Лукина выпрямилась у шкафа и поморщилась от боли в боку.

— А нам это даёт что кроме плохой перспективы?

— Следующий проход на север они проведут не как атаку. Как обслуживание, естественный стык слоёв. Если опоздаем, дальше придётся выбивать не ошибку, а принятую норму.

Контур подошёл ближе и посмотрел выше её линии — туда, где верхний регистр уже списывал море в фоновый шум.

— Продолжай.

Ветрова почувствовала холод в груди. Тот профессиональный укол, который приходит, когда понимаешь, что перед тобой не зарождающаяся угроза, а порядок, существующий уже давно и лишь дождавшийся подходящего момента для проявления.

— Они строят не объект, — сказала она. — Они строят режим допуска, в котором всё, что снизу не совпадёт с верхом, потом объявят локальной ошибкой.

— Крупно для одного северного следа, — буркнул Тимур.

— Потому что это не один след. Это шлюз.

Молчанов с дальнего канала подтвердил:

— По архиву сходимость северного сопровождения с верхним сервисом никогда не была такой плотной. Даже в лучшие окна.

— И это не подарок среды, — сказала Ветрова. — Такую связку собирают заранее.

Тимур свёл на экран старый резерв, чтобы удержать разговор в материальной плоскости.

— Ладно. Допустим. Но мне нужен участок, где это собрано руками, а не общая теория.

— Согласна, — сказала Ветрова. — Маршрут нам сейчас ничего не даёт. Надо смотреть на свидетелей.

Закрытый аналитический слой вывели отдельно от общего настенного экрана. Ника отсекала лишние оптические каналы. Молчанов увёл внешний архив в защищённую песочницу. Тимур принёс к столу ещё два уцелевших носителя и положил их слева, как запасную линию памяти. Контур почти не двигался и только раз в несколько минут спрашивал у Лукиной остаток ресурса. Её ответы становились всё суше.

Ветрова села за низкий стол, на котором раньше держали аварийные карты и ключи доступа. Теперь там светились плоские серые проекции. Она опустила изображение со стены вниз, ближе к работе. Север переставал быть дальней картой. Он становился задачей, которую нужно было разложить перед собой и удержать в пределах решения.

На земле всё было жёстко, но понятнее. Вода давала свой лаг, свет собирал помеху и сдвиг, человек ошибался неровно. Маршрут расходился с регламентом, и даже ложь проходила через трение. Наверху эта опора исчезала: задержка становилась оружием, а бедная среда давала противнику почти стерильную правдоподобность.

Ветрова открыла пустой рабочий лист и вывела пять опор: время, лаг, независимую геометрию, журнал и порядок прихода подтверждений. Она не произнесла их вслух. Просто расставила в поле и стала натягивать между ними северный след.

Контур увидел замысел первым.

— Ты разбираешь уже не сектор.

— Я разбираю способ не ослепнуть выше воды, — ответила она.

Большинство северных участков соответствовало старой рабочей инфраструктуре: давало внутренний разнобой, расходилось по времени и несло следы доработок и ручных вмешательств.

Один участок держался подозрительно пусто и при этом не выпадал из старшинства. Тимур заметил, что она снова и снова возвращается к одному и тому же адресу.

— Он тебя чем зацепил?

— На нём нет обычной выработки. У остальных адресов видны поздние хвосты, дрейф и следы обслуживания. Здесь почти ничего.

— Глубокий резерв может так лежать годами.

Ветрова перевела на экран рядом старый подтверждённый резерв и спорный сегмент.

— Резерв может долго лежать без нагрузки, но профиль всё равно меняется. Форматы сменяются, допуски уползают, рано или поздно приходит запоздавшая правка или сервисное вмешательство. Даже хорошо законсервированный участок набирает побочные следы. Здесь этого набора почти нет. Память держали в режиме жёсткого контроля.

Ника подошла ближе и посмотрела на слой задержек.

— И оптика у него без допустимого разброса. Как у прохода, который заранее подготовили к приятному чтению.

Тимур хмуро качнул головой.

— Не оптика. Адресация.

— Для человека в кадре разницы мало, — ответила Ника. — И там, и там ему подсовывают удобство.

Молчанов негромко спросил из динамика:

— Хочешь старую статистику по тем участкам, которые числились резервом, но потом оказались форточками для обхода допуска?

— Давай, — сказала Ветрова.

Пока он искал, она работала с сегментом по другому принципу. Она не ловила совпадение пакетов, а смотрела историю изменений: когда адрес появился, как часто переписывался, что к нему прилипало и что проходило мимо. Реальные старые коридоры всегда несут на себе несколько слоёв эксплуатации. На них оседают чужие форматы, поздние подписи, забытые права и ошибки персонала. Здесь временной профиль удерживали в узком диапазоне, будто участок вели с минимально достаточным сопровождением — только чтобы сохранить его в строю и не дать накопить полноценную историю.

Ей стало по-настоящему не по себе. Не от находки. От вывода, который шёл глубже конкретного адреса. На земле она всегда могла упереться в среду как в свидетеля. Здесь придётся заново решать, что вообще считать свидетелем, когда вода, свет и оператор выведены за скобки, а право на вход начинает существовать отдельно от носителя.

Контур посмотрел на неё внимательно.

— Что?

— Наверху у нас меньше опор, чем мы привыкли считать, — сказала она. — Если они научатся удерживать право без объекта, мы начнём работать уже не с маршрутом и не со станцией. С самым порядком допуска.

В отсеке стало тише. Даже Тимур, который до этой минуты держался за материальное объяснение, не перебил её. Он тоже понял масштаб. Речь шла уже не об очередном адресе. Менялась сама рабочая основа профессии.

Молчанов вернулся в канал:

— Старые обходы допуска всегда сидели на чём-то материальном. Борт, станция, окно, узел, аварийный шлюз. Голое право без привязки в архиве не держится.

Ветрова наклонилась ближе к столу.

— Значит, если оно держится здесь, его обслуживают как отдельную задачу.

— Или как будущий вход, — сказал Контур.

Она кивнула. Теперь вопрос уже был не в том, есть ли на севере опасный участок. Речь шла о другом: как вытащить его так, чтобы с этим можно было идти к штабу. Нужен был

шов, а не впечатление. Адрес, окно, приоритет, кусок причинности, который переживёт чужое недоверие.

Они перевели всё остальное в фон и оставили только спорный сегмент. Свет над столом урезали ещё сильнее. Ника увела боковые поверхности в почти полную тьму, чтобы глаз не цеплялся ни за что, кроме серого рабочего слоя. Тимур встал напротив Ветровой и начал читать адресные хвосты молча, с тем сосредоточенным упрямством, которое появлялось у него, когда он наконец принимал, что дело пахнет не одной техникой.

— Похоже на глубокий резерв, — сказал он после первой сверки. — Законсервированный маршрут. Держали пустым, потому и не зашумлён.

— Проверь по истории изменений, — ответила Ветрова.

Он метнул на неё взгляд.

— Думаешь, не отличу?

— Думаю, тебе удобнее объяснить это через систему, чем иерархией.

Ника тихо сказала:

— Он и по свету ведёт себя как проход, который заранее выправили.

— Слово другое, работа та же, — буркнул Тимур и снова уткнулся в хвосты.

Контур произнёс, не повышая голоса:

— Похоже на коридор до того, как мир дал на него право.

— Хуже, — сказала Ветрова. — На основание для верхнего допуска.

Молчанов откликнулся почти сразу:

— По архиву у глубокого резерва всегда остаётся след старения. Отсроченные правки, поздние подписи, сервисные врезки. Здесь этого почти нет.

Тимур молча свёл на экран подтверждённый старый резерв и спорный участок. Разница стала видна уже без пояснений. У реального маршрута сохранялись следы времени. Здесь время не убрали — его удержали в дозированном объёме, чтобы не выдать участок полной стерильностью и при этом не дать ему набрать полноценный эксплуатационный след.

Лукина впервые за весь разбор подошла ближе к экрану.

— Что это меняет кроме того, что мы опять не спим?

— Меняет предмет входа, — сказала Ветрова. — Север уже нельзя считать просто направлением. Это нижний стабилизатор. Кто держит этот участок, тот может поднимать верхнюю норму как обслуживание.

Контур посмотрел на неё долго и без нажима.

— Ты готова положить это на канал Громыко?

Ветрова знала цену этого решения. Ошибись она — людей пошлют на север за ложным участком. Промолчи — шов уйдёт глубже, и потом верхний слой начнёт диктовать старшинство уже без обратного хода. Она ещё раз убрала автоматическую обработку, ещё раз прогнала окно изменений, ещё раз проверила допуски. Участок держался с подозрительно малым разбросом, без обычных хвостов, и выглядел слишком правильным для старой рабочей инфраструктуры.

— Да, — сказала она. — Но не как доклад о впечатлении. Как материал для штабного разбора.

Тимур кивнул с тяжёлым лицом, признавая вывод. Ника уже убирала с внешнего слоя лишний свет, будто отсек сам переходил к другому режиму работы. Контур потянулся к каналу.

— Поднимай Громыко.

Закрытый канал встал не сразу. Повреждённая платформа долго не хотела отдавать полосу, затем Лукина срезала ещё один небоевой контур, и на секунду просел свет. Экраны не погасли, но ушли в жёсткий серый режим. Остались только спорный участок, журнал WORM и узкая служебная строка с цифрами задержки.

Если Громыко сейчас снимет вопрос, разбор останется внутренней сборкой команды. Если пропустит его наверх без опоры, цена только вырастет. Тогда север перейдёт в фазу операции, для которой у них нет ни свободного ресурса, ни политического прикрытия. Ветрова ощущала это почти физически — как линию, в которой ток подняли недостаточно и которая всё ещё не держит рабочий режим.

Контур встал слева от консоли. Не впереди и не за спиной — чуть в стороне, оставляя ей линию разговора. Канал щёлкнул. Лицо Громыко вышло в сжатом разрешении — серое, уставшее, с провалом света на одной щеке. За ним не было ни штаба, ни уверенной стены. Только тёмный фон и окна чужой ночи.

— Основание, — сказал он.

Не «что у вас», не «доклаживайте». Сразу основание. Значит, на той стороне времени на политическую упаковку не больше, чем здесь.

Ветрова не стала начинать с рисунка на карте.

— Алеутский переход, вероятно, уже работает как нижний стабилизатор верхнего эталона. Если этот порядок закрепится, дальше спор пойдёт не с ошибкой, а с принятой старшей версией события.

Громыко выдержал паузу, в которой слышался не скепсис, а расчёт цены.

— Разверните.

Она вывела на общий слой только опоры: японский хвост, северный участок, верхние квитанции, порядок прихода, сервисную дугу и пустой адрес допуска. Ей не нужно было убедить его картинкой. Нужно было провести его через причинность, которую нельзя списать на усталость группы после штурма.

— Японский узел был передним слоем. Через него проверяли, как земля принимает сервисную норму под ударом и паникой. Основная связка уходит севернее. Алеуты здесь работают как стык океана, атмосферы и верхнего сервиса. Кто удержит этот стык, тот сможет поднимать верхний порядок как обслуживание, а не как атаку.

— Архитектура, — без обиняков сказал Громыко. — Мне нужен вход.

— Вход ищем. Формула уже видна.

— Формула мне не даёт права двигать вас на север.

Контур впервые вступил в разговор.

— Решение сейчас не по карте. По шву.

Громыко перевёл взгляд на него.

— Разделяете вывод?

— Да. Но пока это вывод без опоры для дальнейшего хода.

Ветрова почувствовала раздражение и сразу погасила его. Громыко требовал твёрдого основания. У них уже хватало войн, начатых с сильной догадки, которая не пережила встречу с процедурой.

— Тогда в другой формулировке, — сказала она. — Мы ищем место, где верхний порядок получает право первого слова раньше среды. Такой шов у нас проступает. Он держится как пустой сервисный адрес с поддержанным допуском и почти нулевым эксплуатационным следом.

Тимур хмуро бросил, не дожидаясь разрешения:

— По человеку пусто. По праву — нет.

Громыко перевёл взгляд на него.

— Подтверждено до конца?

— Почти, — сказал Тимур и сразу скривился, услышав собственное слово.

— В моём положении «почти» не существует, — ответил Громыко. — Либо у вас есть основание входить в разбор, либо нет.

Ветрова поняла, что решающий момент наступил сейчас. Не в данных. В формулировке. Если она продолжит говорить как аналитик о выверенной схеме, канал закроют. Если скажет точно и жёстко, как человек, который уже отстаивает будущий порядок допуска, шанс останется.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда так. На севере выделен участок, который не стареет как рабочая инфраструктура, но удерживает верхний приоритет: объектной привязки почти нет, допуск поддержан. Если этот адрес доживёт до следующего цикла, противник получит основание вести верхнее обслуживание через алеутский стык как штатную процедуру. Мы просим не рейд, а право на инженерное вторжение в этот шов.

Громыко молчал недолго.

— Это уже рабочий язык. Решение такое. Найдёте подтверждение шва до конца — получите узкое окно, ограниченный состав и право на тихий вход. Не публичную операцию. Формально вы проверяете сервисный контур и сопровождение. Реально — не даёте этому адресу дожить до чужого старшинства.

Ника тихо выдохнула у стены. Тимур зло потёр переносицу. Лукина даже не шевельнулась; её волновали не формулировки, а люди, которых придётся тащить дальше на остатках ресурса.

— Принято, — сказала Ветрова.

Громыко чуть подался вперёд.

— И ещё. С этого момента говорите не «там что-то есть». Говорите так, будто уже спорите за будущую систему допуска. Потому что война идёт за неё.

Канал погас.

Несколько секунд никто не говорил. За перегородкой слабо работал насос. Вентиляция тянула в отсек сухой тёплый воздух с привкусом горелой пыли. Контур первым нарушил паузу.

— Всё. Общие картины закончились. Ищем вход.

— Тогда убираем всё, что держится только на общем фоне, — сказала Ветрова. — Мне нужен чистый набор признаков: адресные хвосты, задержки, следы изменений и один участок, который не уходит в общий разнбой.

Тимур уже тянул к столу новые носители.

— Ладно. Посмотрим, кто здесь давно готовится быть нормой.

Они не меняли отсек. Только порядок в нём. Ника урезала свет до одного косо́го сектора над столом. Тимур перенёс трофейные носители ближе к Ветровой и вскрывал их прямо у края консоли, подавая данные короткими пакетами. Лукина села на ящик у стены, завела таймер ресурса и каждые несколько минут называла остаток как часть среды, с которой теперь тоже приходилось считаться.

Сначала Лукина назвала сорок две минуты, потом тридцать восемь, потом тридцать три, и каждая новая цифра ложилась на разбор как ещё один принудительный фильтр.

Ветрова вычистила из анализа всё, что нравилось человеку за удобство: цветовые маски, автоматическое сведение, объединения по регионам, штатные сервисные сводки. Оставила исходный материал — сырые окна, старые журналы, поздние подписи, адресные хвосты, кривые задержки. И только тогда схема показала рабочее расхождение без сглаживания.

Почти все северные участки вели себя так, как ведёт себя реальная старая инфраструктура. Они не совпадали с собой, тащили за собой след ремонта, местной погоды, чужих вставок, поздних обновлений и операторской лени. Любой рабочий маршрут, если копнуть его глубоко, оказывается не линией, а историей.

Один участок — нет. Он по-прежнему стоял отдельно от общего профиля. Почти пустой, с подавленным служебным шумом, поддержанный дозированно — лишь настолько, чтобы не потерять допуск и не выдать себя накоплением рабочих следов.

Ветрова стала разбирать его по краям. Сначала по хронологии — не по совпадению пакетов, а по тому, как участок менялся. Когда участок впервые появился, как часто менялся, что к нему липло и что от него отваливалось.

Реальные адреса меняются неровно, даже в глубоком резерве. Здесь временной профиль вели под контролем: участок держали на минимально достаточном сопровождении, чтобы не потерять допуск и не дать ему набрать нормальную историю эксплуатации. Затем она пошла в геометрию задержек. Если адрес существует долго, вокруг него накапливается след локального мира: погодные поправки, ручные компенсации, региональные обходы, человеческий отклик. Здесь задержка была выправлена до правдоподобного минимума. Не ноль — это выдало бы подделку сразу. Но и не рабочая грубая фактура реального коридора. Последней она подняла историю допусков. И тут Тимур резко выпрямился.

— Стоп.

Ветрова не повернула головы.

— Что взял?

— Он не пустой, — сказал Тимур. — По человеку пустой. По станции пустой. По машине почти пустой. Но не по праву.

Теперь повернулись все. Тимур ткнул пальцем в нижний край слоя, где шла почти незаметная полоса старых служебных отметок.

— Смотри. Хозяина, нормального объекта и маршрута, который можно схватить руками, нет. Но допуск обновляли — редко, лишь настолько, чтобы не дать ему умереть.

Ветрова проверила адрес обратным запросом. Она сняла верхний приоритет и предложила участку доказать право через объектную историю. Ответа не пришло, но допуск сохранился ещё три цикла и каждый раз пытался привязаться к соседнему сервисному окну. Тимур отключал окна по одному. После третьего отключения адрес не умер — он ушёл в ожидание. Так ведёт себя не забытый резерв, а право, которому заранее разрешили пережить потерю носителя.

Ветрова подтянула слой, развернула его, сняла ещё одну маску и почувствовала тот холодный укол, который приходит, когда догадка наконец получает физическую форму. Тимур был прав. Перед ними лежал не адрес объекта, а адрес права — права пройти в верхний сервис без лишних вопросов.

— Они держали не станцию, — сказала Ника. — Дверь.

— Не дверь. Право считать её штатной, — ответила Ветрова.

Контур стоял неподвижно, но она и без взгляда чувствовала, что он уже перешёл на следующий масштаб. Не «что это», а «как через это входить». Лукина назвала остаток:

— Двадцать восемь.

Ветрова услышала и не ответила. Её руки задвигались быстрее. Теперь задача сжалась до рабочего размера. Нужно было не доказать всё вообще. Нужно было вытащить из хаоса тот клин, который переживёт встречу со штабом, процедурой и дальней дорогой.

Она свела пустой адрес с японским хвостом. Потом — с верхними квитанциями. Потом — с северными погодными окнами. Картина легла так жёстко, что сомнений почти не осталось. Японский слой был маской входа. Здесь лежал тихий участок, через который верхнее обслуживание могло получить снизу подтверждение своей законности ещё до того, как на земле это назовут вторжением.

Молчанов заговорил так, будто сам перепроверил вывод несколько раз:

— Подтверждаю по старым северным архивам. Такая форма допуска не должна жить без объектной привязки. Раньше она всегда сидела на станции, сервисном борте или верхнем окне. Здесь привязка срезана. Оставлено только право.

— Срезана не случайно, — сказала Ветрова.

Она выделила адрес в отдельный слой. Система попыталась автоматически подложить к нему соседние сервисные ассоциации. Ветрова сразу отключила слипание.

— Не надо ему помогать.

Тимур скривился.

— Вот теперь картина действительно паршивая.

— Почему только теперь? — спросила Ника.

— До этого у нас был умный противник. Теперь — противник, который учится хранить право без носителя.

Контур коротко спросил:

— Это и есть шов?

Ветрова ещё раз посмотрела на почти пустой контур, на минимально поддерживаемый объём памяти, на выровненный профиль изменений, на тишину вокруг объекта, которого как будто нет и который при этом сохраняет допуск на вход.

— Да. Идти нужно не на адрес станции. На адрес допуска.

В отсеке сразу стало теснее по смыслу. Все увидели одно и то же: следующий театр — уже не обычная география. Там придётся брать не объект, а чужое право назвать себя штатным порядком раньше всех остальных.

Финальный слой Ветрова вывела не на стену, а на основной экран WORM. Значение было в самом выборе носителя: не черновая карта и не эффектная проекция, а журнал, который пережил шторм и удержал причинность там, где всё остальное горело и рассыпалось. Если класть находку на что-то как на основание, то только на него.

К этому часу отсек окончательно ушёл в рабочую темноту. Свет держался только по краям стола. Вокруг стоял чёрный объём техники, где слышались вентиляция, дальний стук незакрытого кожуха и редкие слова Лукиной. В центре лежал почти пустой адрес, который на первый взгляд значил меньше любого сгоревшего блока под ногами у Тимура.

В этом и была опасность. На экране не было станции, борта или крупного объекта, за который удобно цепляется штабное мышление. Только сервисная строка, короткая история обновления допуска, выправленный след времени и готовность принимать верхний приоритет так, будто здесь всё штатно с давних лет.

Ветрова говорила уже не для всех. Для формулы, которая дальше пойдёт с ними на север.

— Минимум биографии. Минимум локальной среды. По человеку пусто. Но допуск не умирает и не вываливается из старшинства. Значит, участок держали не ради работы внизу. Его держали как основание для верхнего входа.

Контур спросил:

— Через него можно вести север?

— Через него можно узаконить север. А дальше и то, что выше.

Ника подошла вплотную к столу. В отражении экрана её лицо стало жёстким, собранным, уже готовым к тому переходу, где спорить придётся не с портом и не с берегом, а с небом, которое подтвердит проход раньше воды.

— Он отвечает как окно, — сказала она. — Не как место.

— Да. Окно, через которое верх может стать первым свидетелем раньше среды.

Лукина посмотрела на таймер и в этот раз не назвала остаток вслух. Видимо, потому что цифра уже ничего не решала. Решение и так было принято. Контур наклонился к каналу.

— Громыко. Подтверждённый вход.

Канал открылся быстро, будто на той стороне ждали этой формулировки.

— Слышу.

Ветрова не повторяла весь путь заново. Теперь она говорила так, как требовал Громыко: о рабочем основании.

— Выделен пустой сервисный адрес верхнего обслуживания. Объектной привязки почти нет. Допуск поддержан и согласован по времени. Это не маршрут станции. Это удержанное право на вход в верхний слой через алеутский стык. По нему можно заходить как по шву.

Пауза на канале была короткой.

— Достаточно. Получаете узкое северное окно. Состав — походный. Режим — тихий вход, без лишнего эфира и без огласки. Формально идёте проверять сервисный контур и сопровождение. Реально — не даёте этому адресу дожить до чужого старшинства.

— Принято, — сказал Контур.

— Подробности уйдут дополнительным пакетом. И ещё. С этого момента Алеуты для меня не карта. Если ваш вывод верен, это нижний марш лестницы. Наверху уже ждут.

Канал погас.

Ника медленно выпрямилась.

— Значит, дальше моя часть работы.

Никто не улыбнулся, но напряжение на секунду стало человеческим, а не машинным. Тимур тяжело опёрся ладонями о стол.

— Два носителя я всё равно вскрою до выхода.

— Вскроешь в дороге, — сказал Контур.

— На качке я буду ругаться.

— Значит, среда останется привычной.

Лукина поднялась с ящика и сразу повела плечом — боль напомнила о себе.

— По людям так. Ещё час здесь — и вы начнёте принимать решения медленнее нужного. Кто остаётся — остаётся. Кто идёт — идёт без романтики.

Ветрова смотрела на адрес и уже не видела в нём одну сервисную строку. Перед ней лежала нижняя ступень, подготовленная так, чтобы верхний марш выглядел естественным продолжением мира. Она выключила лишние слои, оставив только главное: японский хвост, северную дугу, пустой адрес допуска и верхние подтверждения. Рисунок стал простым в самом опасном смысле этого слова — неотменимым.

Север больше не лежал на карте горизонтально. Он поднимался от воды через погоду к орбите, дальше туда, где земле собирались оставить роль нижнего шума. Ветрова тихо сказала, почти себе:

— Алеуты — не направление. Алеуты — лестница, у которой уже занят верхний марш.

Контур услышал.

— Тогда идём по нижнему, пока он ещё наш, — сказал он.

За переборкой глухо ударил насос, и платформа ответила короткой дрожью. На WORM загорелся подтверждённый адрес допуска GATE / ALEUT; рядом уже шёл отсчёт до его следующего обновления. Контур закрыл общий канал.

— Северный вход подтверждён. Готовить тихий выход.

Глава 3. Северный переход

В северном коридоре первым врёт не прибор. Первым врёт слой, который раньше допустимого соглашается взять на себя право подтверждения.

(Из служебной техсводки М. Лукиной по переходам класса GATE / ALEUT. ДСП.)

К северному проходу транспортный носитель вышел под вечер, когда свет перестал держать предметы и только отмечал границы воды и неба. Воздух на верхней палубе был жёсткий, с солёной крошкой и холодом, который проходил через перчатки с задержкой, как поздно пришедший приказ. За кормой оставался южный театр, где угрозу ещё можно было мерить стеной, доком, кабелем и людьми.

Здесь спор начинался на трёх слоях: поверхность, атмосфера, верхний регистр. Ника начала с наружного контура: проверила аварийные маяки, перевела затемнение на ручной допуск и урезала подсветку правого борта. Затем разнесла фазы палубных импульсов, чтобы оптический профиль отвечал по независимым участкам, а не общей автоматикой.

Вибрация уходила по настилу, удар воды возвращался в переборки с запозданием. По этой задержке читалось: носитель вошёл в дальний маршрут, где цена неверного решения растёт до того, как экипаж успевает его распознать.

У кормового поста двое моряков дожимали защитный кожух внешней камеры. Один из них, узколицый старшина с серым обветренным лбом, посмотрел на схему затемнения у Ники.

— Режете обзор? — спросил он без раздражения, по рабочей привычке человека, который сначала сверяет действия, а уже потом возражает.

— Режу лишнее, — ответила Ника, не отрываясь от панели. — Мне нужен обзор, а не витрина.

Старшина повёл плечом.

— Здесь не город. Тут, если окно открылось, его берут.

Ника закрыла один сектор, открыла другой, поймала носовую взвесь в рамку и посмотрела, как импульс садится на влажную пелену в воздухе.

— Потому и режу, — сказала она. — Подозрительно удобное окно здесь первый кандидат на подмену.

Он хотел что-то добавить, но передумал. На море уважение приходит быстрее, если человек не объясняет свою работу лишний раз. Старшина только кивнул на внешний кронштейн.

— Правая камера будет слепнуть на обледенении.

— Оставь мне её сырой канал. Автоматикуними.

— Сниму.

Этого хватило. Не согласие. Рабочий режим.

Ника пошла дальше вдоль борта. Под подошвами глухо отдавал силовой каркас. Сверху тянуло сырой сталью, старой краской и прогретой аппаратурой, которая держала внешний профиль. В городе свет был частью среды: ложился на стены, стекло, рельсы, мокрый асфальт и помогал разбирать пространство. Здесь свет был только одним участником разбирательства. Вода могла его опровергнуть. Туман — размыть. Верхний слой — подменить раньше, чем человек успеет назвать источник.

У носового оптического узла она вывела на ладонный экран дисциплину борта. Аварийные огни — в ручной запрет до отдельной команды. Палубные маркеры — на разнесённую фазу. Внешний профиль — в несглаженный режим. Служебные подсветки левого прохода — убрать. Чем меньше корабль дорисовывает себе картину сам, тем труднее навязать ему подготовленную норму.

Сзади открылась тяжёлая дверь перехода из рубки. Контур вышел ненадолго, без куртки, только в тёмной поддёвке.

— Как палуба? — спросил он.

— Ещё наша, — ответила Ника. — Но город кончился.

Контур скользнул взглядом по воде, по туману впереди, по урезанным секторам борта.

— Это и нужно было услышать.

Он не уточнил. И не должен был. В штабе они разбирали журналы, хвосты пакетов и чужую сервисную вежливость. Здесь любая схема должна была выдержать качку, соль и задержку отклика.

По внутренней связи коротко щёлкнул вызов рубки. Навигационный отсек поднял первые погодные и спутниковые пакеты.

Для этой широты и воды подтверждения пришли быстрее допустимого и без хвоста. Погодный фронт ещё не успел сформировать собственный ответ.

Она развернулась к двери рубки и пошла внутрь быстрее, чем требовал обычный рабочий шаг.

В рубке было теплее на несколько градусов и суше только условно. Мокрая одежда, влажный воздух, горячая аппаратура, след подпалённой изоляции где-то в глубине стойки — всё смешалось в плотный служебный запах дальнего перехода. На экранах уже висели погодные слои, северное окно и спутниковые поправки. Старпом держал курс с той внимательностью, которая у моряков рождается не от нервов, а от долгой работы на границе допустимого.

Ветрова стояла над правой консолью, сводя маршрутный пакет с северным окном. Тимур сидел ниже, почти боком, и гонял аппаратные отклонения по двум разнесённым шинам, явно не доверяя тому, что общая диагностика называла нормой. Контур молча слушал всех сразу.

Ника встала к внешнему оптическому профилю и одним движением сняла верхнее сглаживание.

Картина стала хуже, но полезнее.

Атмосферное окно и спутниковая поправка совпадали без обычного разброса. Не в том смысле, что данные были хорошими. В том, что они легли друг на друга без обычной борьбы среды. Слой облачности давал разрыв в том месте, где верхний пакет предлагал взять поправку. Дальний просвет держался одним фронтом. Даже задержка уточняющего пакета была подозрительно дисциплинированной.

Старпом заметил её движение.

— Сглаживание верните, — сказал он спокойно. — На сыром слое сейчас больше шума, чем пользы.

— В этом районе шум — часть доказательства, — ответила Ника.

— Нам нужен проход, а не спор с погодой.

Тимур коротко хмыкнул, не отрываясь от своей панели. Ветрова не вмешалась. Контур тоже.

Старпом показал на левый экран.

— Вот окно. Вот допуск сверху. Вот совпадение по времени. Поверхность даёт ход. Зачем самим себе ломать работу?

Ника увеличила участок верхнего слоя и вывела поверх него сырой световой профиль борта.

— Потому что здесь всё соглашается раньше среды.

Старпом повернулся к ней уже полностью.

— По-человечески.

— По-человечески — небо охотнее допустимого подтверждает проход. По-рабочему — очерёдность не та. Сначала должен отозваться низ: вода, взвесь, линия фронта, лаг корпуса. Потом можно брать верх. А тут верх уже выдал разрешение и теперь тянет под него остальное.

— Может, просто редкий хороший коридор?

— В алеутском проходе? После того, что поднял японский узел? — Ника покачала головой. — Такое совпадение бывает редко. И у него есть трение. А здесь у совпадения нет истории изменений.

Ветрова подошла ближе.

— Покажи.

Ника провела пальцем по временной сетке.

— Смотри. Поправка приходит до того, как вода успевает собрать собственный рисунок по борту. Облачный разрыв уже висит в нормативной геометрии, а оптика ещё не видит, чтобы поверхность согласилась отдать такой проход. Верх не ждёт низ. Верх назначает ему форму.

Старпом не повышал голоса, но в этой сдержанности уже появился нажим.

— Мы идём не на семинар. Мы ведём носитель через коридор, который закрывается. В северном проходе иногда приходится брать удачу, пока она не ушла.

— Удачей это не назовёшь, — сказала Ника. — Внешний контур заранее снял с нас часть проверки и подал готовый ответ.

Контур перевёл взгляд с неё на старпома.

— Что будет, если она права?

Старпом ответил сразу:

— Потеряем окно. Возьмём лишнюю нагрузку по корпусу и по топливу. Можем подойти к платформе хуже нормы.

— А если он прав? — спросила Ника, глядя на экран.

Тимур наконец поднял голову.

— Тогда аппаратура уже учится помогать чужому рисунку. У меня два модуля начали выравнивать курс без запроса. Пока мелко. Но тенденция нехорошая.

Ветрова медленно выдохнула.

— Значит, вопрос не в погоде. Вопрос в старшинстве подтверждения.

Контур сказал без нажима:

— Тогда берём воду в свидетели раньше верха. Ника, тебе оптика. Старпом, курс пока без входа в идеальный разрыв. Тимур, режь всё, что начинает помогать раньше допустимого.

Ника не испытала облегчения. Только рост цены. Теперь ей нужно было не подозревать. Теперь ей предстояло доказать это кораблю, который привык брать гладкий ответ за профессиональную удачу.

Во внешнем обзорном секторе качало сильнее, чем на мостике. Здесь не было защищённой тишины приборов. Здесь всё входило в тело через корпус: удары воды, длинную вибрацию настила, холодную сырость в воздухе и дальний гул силовой части, удерживающей курс.

Ника закрепилась у палубного поста, вывела на боковой экран внешний профиль, рядом — прямую картинку с борта, ниже — лаг корпуса на волну. Ей нужен был не единый обзор, а тройное сравнение. Что показывает свет. Что отвечает вода. И что делает сам носитель, когда режет фронт.

— Пост два, отключи автоматическую подстройку импульса, — сказала она в гарнитуру.

— Пост два снял.

— Пост четыре, урежь сектор до ручного окна. Не нужен дальний фасад. Нужен отклик взвеси.

— Принял.

Она погасила лишние сектора и сместила частоту двух маркеров. Затем перевела внешний профиль в грубый режим, оставив сигналы, которые можно было перепроверить глазом, влажным воздухом и откликом корпуса на волну. Картина стала хуже для автоматики, зато снова принадлежала кораблю.

Сначала картина расползлась. Так и должно было быть.

Потом начала собираться заново.

Импульс с борта ложился на взвесь не так, как подсказывала верхняя поправка. Вода принимала свет неохотно. Не проваливала, но и не возвращала тем гладким коридором, который уже висел на мостике. Дальний фронт тумана местами легче допустимого пропускал оптику, а местами, наоборот, держал её жёстче, чем должен был по общей модели.

Самое плохое было в горизонте. Спутниковая поправка уже садилась на разрыв впереди. Реальный горизонт ещё нет. Поверхность не подтвердила проход. Верхний слой подтвердил его за неё.

Ника подалась к экрану, словно могла увидеть лишний миллиметр правды, если приблизится.

По внутреннему каналу раздался голос Контра:

— Что первым врёт?

— Верх быстрее допустимого соглашается.

Пауза была короткой.

— Принял, — ответил он.

В этом и состояло давление Контра: не тратить секунды на те слова, которые не меняют режим работы.

Ника вывела рядом лаговую сетку корпуса и повторно прогнала картину по воде. Здесь ложь была заметнее не по яркости, а по отсутствию сопротивления. У любой настоящей среды есть потери: соль, взвесь, срыв света на гребне, неровный возврат из тумана, поздняя поправка на ветер. Здесь ей подсовывали коридор, в котором исчезали издержки. Будто север на минуту решил стать учебным полигоном.

В гарнитуру щёлкнул голос старпома:

— На мостике картина держится. Повторяю: держится. Ты уверена, что не читаешь в шуме то, чего нет?

Ника не стала спорить общими словами.

— Смотри на очерёдность. Верх уже даёт проход. Вода ещё нет. Если возьмёте их одновременно — верх станет первым свидетелем. Потом он начнёт диктовать норму всему остальному.

— Нам не до философии свидетелей.

— Тогда по-портовому. Вы сейчас подпишете акт на объект, который ещё не пришёл на площадку.

В канале коротко выдохнул один из моряков. Моряки лучше реагируют на неправильную приёмку, чем на абстракции.

Ника вывела второй прогон. Слева картина была хуже, чем обещал верх. Справа — наоборот, внешний оператор с подозрительной аккуратностью дорисовывал дальнюю дугу. Серией коротких подтверждений, будто разные точки маршрута незаметно подталкивали друг друга к одной и той же норме.

Она застыла на секунду.

Это уже был не редкий погодный подарок.

Коридор удерживали серией коротких подтверждений. Каждая точка добавляла следующей правдоподобия, пока собранная дуга не начинала выглядеть естественным проходом.

— Контур, — сказала она. — Правый сектор не просто врёт. Его удерживают.

— Источник?

— Пока не один. Или вынесенные маяки, или малые носители, или оптика с разнесением по высоте. Но рисунок держат с дисциплиной.

На этот раз Контур ответил сразу:

— Возвращайся на мостик. Будем ломать им очередь подтверждения там.

Когда Ника вошла в рубку, спор уже перешёл в фазу решения. Старпом стоял у центральной консоли и показывал на фронт впереди. Дуга в тумане действительно собиралась. Не целиком. Частями. Но с подозрительной точностью, будто сама среда решила наконец оказать кораблю услугу. Световой проход ложился почти без срыва. Навигационное окно держалось гладко. Временная поправка совпадала с ним почти до омерзения дисциплинированно.

Для обычной команды это выглядело подарком.

Для Ники — подготовленной вежливостью.

— Вот он, — сказал старпом, когда она подошла. — Если брать, то сейчас.

Она не посмотрела на него. Сначала — на картину. Потом — на сырые каналы в углу. Потом — на воду по нижнему сектору.

— Нельзя.

— Основание?

— Он раньше допустимого подтверждает сам себя.

Ветрова повернулась от своей консоли.

— Раскрой.

Ника показала последовательность по времени.

— Сначала небо даёт «можно». Потом верхняя поправка повторяет то же самое. Потом навигация начинает подтягивать курс в этот же разрыв. А поверхность снизу ещё не дала права на проход. Очерёдность сломана.

Старпом коротко ударил пальцем по краю консоли.

— Если ждать, мы потеряем окно.

— Это не окно, — сказала Ника. — Это рисунок, в который нас хотят посадить.

Тимур поднял голову.

— Аппаратура тоже начала помогать курсу. Я уже два раза резал автоподхват. Если ещё минуту подержим это как норму, модули начнут считать чужой разрыв базовым.

Контур стоял сбоку, в тени приборного света. Он не прикрывал Нику готовым приказом и не давил старпомом званием. Он ждал. Не потому, что сомневался. Потому, что кораблю сейчас был нужен не авторитет, а основание, которое выдержит следующую минуту боя.

Снаружи дуга впереди собралась ещё лучше. Почти проходной коридор. Почти идеальное совпадение просвета, времени и курса. Это и было главным признаком подмены. Ложь в этой войне больше не влияла на маршрут грубо. Она снимала с человека часть труда, чтобы потом снять и ответственность.

Старпом выдержал паузу.

— Вы понимаете, что предлагаете? — спросил он уже не споря, а считая цену.

— Да, — ответила Ника. — Идти по худшему свету: по воде, лагу, туману и рваному возврату. Дольше и тяжелее, с риском перегруза по корпусу.

— И отказаться от лучшего окна на экране?

— От наиболее удобного, — поправила она. — Не от лучшего.

Ветрова сказала тихо:

— У нас уже есть один сервисный адрес без биографии. Если ещё и север отдаст себя так легко, значит, лестница наверх готовилась заранее.

Старпом посмотрел сначала на неё, потом на Контур.

— Приказ?

Контур ответил без нажима, но так, что вопрос закрылся:

— Идеальный коридор не брать. Общую навигацию вниз на ступень. Внешние поправки только через ручной допуск. Ника ведёт свет. Ты ведёшь корпус. Ветрова считает лаг по низу и по времени. Тимур отрубает всё, что начинает помогать без запроса.

Старпом кивнул. В его лице ничего не изменилось, но Ника увидела тот короткий внутренний перелом, после которого моряк либо встраивает чужую логику в управление, либо начинает ей мешать. Этот встроил.

Носитель тяжело качнуло на новой волне.

После перехода в ручную проверку внешние поправки ожили. Противник ждал отказа от идеального коридора: навигацию мягко потянуло к подготовленному разрыву, а два модуля начали выравнивать курс без запроса.

Первая чужая поправка ударила по навигации не всплеском и не аварийным воплем автоматики. Наоборот — аккуратно. Курс на секунду мягко потянуло влево, туда, где висел подготовленный разрыв. На центральной схеме линия легла правильнее, чем имела право в такой воде. Верхний пакет не ломал управление. Он помогал.

— Автоподхват снять, — сказала Ника.

Старпом уже открыл рот, но Тимур опередил его:

— Уже режу.

По рубке прошёл сухой двойной щелчок. Навигация потеряла часть внешних подсказок и сразу стала неприятнее для глаза. Линии дрогнули. На схеме выступили хвосты. Хорошо. Значит, корабль снова видел расхождение, а не готовый ответ.

Ника не отходила от грубого оптического окна. Теперь стало видно больше. Верхняя дуга не просто висела над водой. Её удерживали короткими засветками. Не непрерывным лучом, который можно сразу назвать источником атаки, а серией кратких, подозрительно корректных подтверждений. Внешний оператор работал дисциплинированно: дал форму, дождался, пока люди почти поверят, потом начал подправлять её малыми импульсами.

— Засветка справа по горизонту. И сверху, — сказала Ника. — Не один источник.

Ветрова мгновенно подошла ближе.

— Геометрия?

— Разнесённая. Или вынесенные маяки, или малые носители, или обе схемы сразу. Внешняя группа держит коридор не из одной точки.

Старпом резко повернулся к обзорному экрану.

— Цели есть?

— Пока не цели, — ответила Ника. — Пока участники рисунка.

Контур не смотрел на картинку так долго, как остальные. Он смотрел на людей.

— Что режим первым?

— Всё, что делает свет удобным, — сказала Ника. — Мне нужен не обзор. Мне нужна привязка к воде.

— Делай.

Она почти ударила ладонью по панели, переводя внешний профиль в другой режим. Палубные маркеры ушли на разнесённую фазу. Левые сектора она погасила совсем. Правые разбила на короткие жёсткие импульсы. Дальнюю подсветку сняла. Оставила только низкий оптический гребень, который ложился на взвесь над водой и возвращался с неровным, но рабочим хвостом. Потом дала палубным постам короткую команду перестроить ритм так, чтобы никакая внешняя система не успела принять корабль за предсказуемый источник.

Мостик потемнел.

Снаружи север тоже стал хуже различим.

Зато вода наконец вернулась в картину как свидетель, а не как декорация.

В эту секунду по правому сектору прошёл первый подтверждённый внешний контакт. Не крупная цель. Нечто малое, на границе оптики, промелькнувшее между туманом и световым хвостом. Потом второе — выше. Потом краткий импульс сверху, короче допустимого для обычной навигации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.